

Концепт «тело» в современных исторических исследованиях

А. Б. Соколов

Статья подготовлена по гранту РГНФ № 09-03-0724

В статье концепт «тело» рассматривается не в общепринятом биологическом смысле, а как историческая категория, учитывающая постоянные изменения состояния тела, телесных практик и восприятия тела.

Ключевые слова: концепт «тело», культура, историография, литература, постмодернизм, метафоры тела, гендерный аспект.

The concept «object» in the modern historical studies

A. B. Sokolov

The concept «object» is studied in the article not in the generally accepted biological meaning, but as a historical category, which considers constant changes in the state of the object, corporal practices and perception of the object.

Key words: concept «object», culture, historiography, literature, post-modernism, metaphors of the object, gender aspect.

По традиции, сложившейся еще в эпоху «научной революции» XVII–XVIII вв., человеческое тело рассматривалось как объект изучения в естественных дисциплинах и медицине. Напротив, в сфере гуманитарных знаний вообще и знаний о прошлом, в частности, господствующим со времени Просвещения было представление о том, что история есть процесс, возникающий в результате духовной и физической деятельности людей, однако последняя представлялась следствием первой. Рационалистический подход подводил к идее о «вторичности» тела. Знаменитое выражение Рене Декарта «Я думаю, значит, существую» означало противопоставление «рациональной, думающей души» и тела как сложного механизма. Такое понимание тела до сих пор определяет суть подготовки медика – тело можно ремонтировать, заменять износившиеся части, применяя разные силы: электрические, химические, механические.

В философии человека издавна присутствовал и другой подход, подчеркивающий единство души и тела. Один из создателей христианской философии Августин Блаженный в V веке утверждал: «Способ, которым соединяются души с телами, весьма поразителен и решительно непонятен для человека, а между тем это и есть сам человек». В XVIII веке самый последовательный критик религии Дени Дидро замечал: «Душа весела, печальна, сердита, нежна, лицемерна, сладострастна? Она ничто без тела. Я утверждаю, что ничего нельзя объяснить без тела». Тем не менее, материалистический сенсуализм ряда французских просветителей не оказал скольконибудь существенного влияния на возникшую в

XIX столетии профессиональную историографию. До начала историографической революции в 1970–80-х гг. лишь немногие авторы специально обращались к изучению телесных практик в контексте политической истории и истории народной культуры (М. Блок, М. М. Бахтин, Э. Канторович) [3]. Только во второй половине XX столетия утвердилось понимание: тело – это коммуникативная система, а используемые в языке и изображениях метафоры тела содержат скрытые смыслы. Концепт «тело» подразумевает, что это не только биологическая, но и историческая категория. Все тела находятся в состоянии постоянных изменений и меняются телесные практики, кроме того, тело – это культурно-ментальный конструкт. Восприятие тела не универсально, а в значительной мере диктуется ценностями, присутствующими тому или иному обществу. Как заметил, великий Чаплин: «Покажите мне походку человека, и я скажу, откуда он родом».

Важнейшей предпосылкой для возникновения истории тела стал постмодернизм. Один из классиков этой философии Мишель Фуко обращал внимание на то, что человеческое тело является главным объектом воздействия таких дисциплинарных технологий современного общества, как больница, школа, фабрика и тюрьма. Он полагал, что в классический период (XVII–XVIII вв.) произошло «открытие тела как объекта и мишени власти»; тогда «формируется политика принуждений – работы над телом, рассчитанного манипулирования его элементами, жестами, поступками. Человеческое тело вступает в механизмы власти, которые тщательно обрабатывают его,

разрушают его порядок и собирают заново. Рождается “политическая анатомия”, являющаяся одновременно “механикой власти”. Она определяет, как можно подчинить себе тела других, с тем чтобы не только заставить их делать что-то определенное, но действовать определенным образом, с применением определенных техник, с необходимой быстротой и эффективностью. Так дисциплина производит подчиненные и упражняемые тела, “послушные” тела» [7, с. 201]. Постмодернизм утвердил конструктивистские интерпретации прошлого, в которых телесные образы, воплощенные в словах и изображениях, являются для историков важным средством «расшифровки» смыслов, в них заключенных. Критики не во всем соглашались с Фуко. Например, в литературе указывалось на противоречия дискурсивного анализа: видеть в телах только символы, метафоры и объекты властного воздействия означает игнорировать роль непосредственного физического опыта «владельцев» тел. Воздействие Фуко на современную историографию огромно: им подняты темы, которые в последние два десятилетия составляют костяк исторических исследований на Западе. Преступность, болезни, сексуальность, повседневность, история семьи, история медицины – вот далеко не полный их перечень. Во многих случаях, когда речь идет о культурно-историческом подходе к их изучению, тело становится ведущей категорией исследований.

В современной историографии историю тела рассматривают и как отдельное направление со свойственными ему признаками. На этот историографический феномен еще в 1991 году обратил внимание известный британский историк Рой Портер. Он прогнозировал, что развитие истории тела как историографического направления будет включать в себя изучение литературы, прежде всего религиозной и философской, по вопросам телесности; этических, юридических и педагогических систем воздействия на тело; языковых и визуальных метафор тела; представлений людей о собственном теле; гендерных аспектов телесности; политики власти по отношению к телу; предметов повседневности, связанных с телом [18, с. 223–226].

Эти предположения исследователя в значительной мере оправдались. Мною выделены культурно-исторические, междисциплинарные и историографические предпосылки возникновения истории тела [4]. Это направление в историографии возникло в новом социокультурном кон-

тексте, характеризующемся изменениями в отношении к телу. В *cultural studies* используется понятие «современное тело», главный признак которого в неопределенности, в способности к изменению самого себя благодаря генной инженерии, пластической хирургии, спортивной медицине и т. д. Это отражается в потребительской культуре: тело превращается в инструмент для удовлетворения желаний своего владельца. По словам одной из теоретиков феминизма К. Дэвис, в современном обществе тела становятся не показателем приспособления человека к социальному порядку, а способом самовыражения, чертой в собственном проекте идентичности [12, с. 2]. В междисциплинарном плане большое влияние на историографию оказало обращение к концепту «тело» в некоторых социальных теориях, прежде всего, в феминизме и социологии, преимущественно социологии медицины, и психологии.

Метафоры тела велики по силе своего воздействия на читателя, что в полной мере находило отражение в литературе. В качестве единственного примера вспомним о том, что значил *нос* для Гоголя, и как часть его лица, и как постоянная метафора в его произведениях. В исследованиях филологов и фольклористов метафорам тела придается немалое значение [5]. Конечно, до второй половины XIX века, когда история еще не вполне оторвалась от литературы, чтобы провозгласить себя социальной наукой, историки гораздо смелее использовали метафоры тела, чем в более поздние времена, когда закрепились претензии на так называемый научный язык. Достаточно вспомнить таких мастеров старой историографии, как Жюль Мишле или Томас Карлейль.

Наконец, к собственно историографическим предпосылкам истории тела можно отнести труды представителей исторической антропологии. Выше уже назывались историки, по-разному предвосхитившие идею телесности в контексте истории уже в первой половине XX века, однако и позднее обращение к повседневности, ставшее одной из ведущих черт историографической революции, привлекало внимание к концепту «тело». Это нашло выражение в ряде работ представителей школы «Анналов». Так, Эммануэль Ле Руа Ладюри в своей знаменитой книге «Монтайю», описывая повседневную жизнь обитателей этой окситанской деревни на рубеже XIII и XIV вв., много раз обращался к «языку тела». Например, в главе «Жест и секс», указав на неполноту данных о жестовой культуре в источни-

ках, он замечал: «Ограничусь, насколько позволяет документация, обращением к немногим естественным или естественным с виду жестам. Прочие, очевидно, в большей степени обусловлены культурой и групповыми стандартами. Некоторые жесты в неизменном виде дошли до нашего времени и остаются обиходными: такая устойчивость свидетельствует о долговечности поведенческих моделей. Иные же исчезли или видоизменились» [2, с. 163]. В недавней работе Жака Ле Гоффа и Николя Трюона (2003) «История тела в средние века» отмечалось: «В традиционной истории человек не имел телесного воплощения. Ее действующими лицами были мужчины, иногда она обращала благосклонное внимание на женщин, но почти всегда они были бесплотны, словно жизнь человеческого тела проходила вне времени и пространства, обусловленная лишь биологическим видом, который, как считалось, не меняется... Личность сводилась к одной лишь внешней стороне и лишалась плоти, тела превращались в символы, явления и образы» [1, с. 5–6]. Уместно вспомнить: первые новаторские труды по истории тела относились именно к средневековой истории. Ле Гофф и Трюон объясняли это тем, что динамика развития культуры в ту эпоху определялась противоречием, в центре которого находилось тело. С одной стороны, наблюдался упадок телесных практик, а идеология христианства, превратившегося в государственную религию, навязывала подавление тела. С другой стороны, согласно ей, Бог воплотился в тело Христа. Они пишут: «Сексуальность, труд, сон, одежда, война, жест, смех – в Средние века все возбуждало споры вокруг тела. Некоторые из них актуальны и в наши дни» [1, с. 30].

В чем использование концепта «тело» может быть полезно историку? Не претендуя на всесторонний и полный ответ на этот вопрос, ограничимся указанием на несколько аспектов, представляющихся актуальными. Во-первых, в свете присущего современной историографии лингвистического поворота требуется новый взгляд на язык историка. Американский историк и теоретик истории Хейден Уайт утверждал, что историческое знание не вытекает из источников, а диктуется выбором, который историки, осознанно или нет, делали между возможностями, предоставляемыми исторической поэтикой. Поэтому нет принципиального отличия между анализом художественных и исторических сочинений. В обоих случаях ключом для понимания позиции автора является теория тропов. Разумеется, исто-

рики, как и писатели, не ограничиваются и не могут ограничиться только метафорами тела, которые, тем не менее, занимают немалое место. Сам Уайт разъясняет свою теорию, обратившись, в частности, к метафоре сердца, служащей для символизации определенных приписываемых той или иной личности качеств [6, с. 52–54]. Так, Томас Карлейль давал в середине XIX века явно идеализированное описание Кромвеля, который «выступал, ничем не прикрываясь, и схватывался, как гигант, *лицом к лицу, сердцем к сердцу* (курсив мой – А. С.). Таковы, в конце концов, все люди, стоящие чего-нибудь. Многие со мной соглашались, что гладковыбритые достопочтенные мужи не стоят собственно ничего». Здесь к метафоре сердца добавляется метафора бороды, явно выражающая какую-то важную для Карлейля актуализацию. Борода, как и сердце, несет у него оттенок искренности. Это тем более любопытно, что на портретах Кромвель выбрит, а Карлейль с бородой! Тезис, что ношению бороды историк может придать особый смысл, подтверждается и примером из историографии XX века. В биографии Бисмарка, написанной одним из видных британских историков Аланом Тейлором, специально отмечается, что великий канцлер вошел через изображения в историю чисто выбритым, хотя и с великолепными усами. Однако на протяжении многих периодов жизни Бисмарк носил бороду, что воспринималось современниками в те времена как влияние романтизма и даже проявление радикализма. По словам Тейлора, «в использовании бритвы, как и в другом, он иногда следовал Меттерниху, а иногда Марксу. Им бывали очарованы цари, королевы и революционные вожди». Так, метафора бороды давала историку основу для конструирования образа Бисмарка-политика.

Внимание к метафорам тела важно как в работе с трудами историков, так и с историческими источниками. Интересным примером служит статья американского автора Дж. Ливси, в которой рассматривается публицистика радикальных республиканцев, пришедших к власти после февральской революции 1848 г. в Париже [16]. В ней указывается: вплоть до лета этого года представители этой группировки, используя метафоры тела, пытались создать серию образов для нового распределения ролей в политике, для обоснования необходимости управления без апелляции к патриархальному авторитаризму. Так, о себе они говорили как о голове, носителе разума, без которой народное тело будет искалечено. Риторика

тела поначалу казалась более подходящей для их политических интересов, чем метафоры семьи. В условиях «визуального поворота» в современной историографии изображения тела рассматриваются с той же целью, что и словесные метафоры [8, с. 14]. Так, французский историк А. де Бек, изучая использование метафор тела в эпоху Французской революции, показал: и текст, и изображение в одинаковой степени полезны для понимания революционной ментальности.

Во-вторых, представления о теле занимают важное место в народной культуре и в значительной мере определяют ментальное деление на своих и чужих. Как отмечает О. Белова, «любой этически или конфессионально чужой может быть описан при помощи стандартной схемы. Выделяется ряд ключевых позиций, по которым «опознается» чужой среди своих: внешность, запах, отсутствие души, сверхъестественные свойства (способности к оборотничеству, магии и колдовству, чаще вредоносному), неправильное, с точки зрения носителя местной традиции, поведение (обусловленное «чужими» и, следовательно, неправильными, греховными, демоническими ритуалами и обычаями), язык» [5, с. 147]. Как отмечает британский историк Питер Берк, одним из архаичных способов конструирования образа «Другого», известным с древности, является наделение его животными или монстрообразными чертами. Еще у древних греков имелись представления о целых народах с песьими головами, о народах без голов, об одноногих, каннибалах, пигмеях, амазонках и т. д., перекочевавшие не только в средневековье, но и в раннее новое время [10, с. 126]. Конечно, освоение Земли европейцами, рационализация мышления как следствие «научной революции» вели к сомнению и отходу от подобных представлений, но их атавизмы сохранялись столетиями. Таким образом, концепт «тело» приобретает ключевой смысл в исследовании ряда исключительно популярных в современной историографии тем, например, ведовства и охоты на ведьм в раннее новое время.

Однако и при изучении явлений «высокой культуры» обнаруживается следующее: она часто прибегает к тому же арсеналу средств, что и народное сознание. Это важно учесть при анализе травелогов – документов путешествий, – к которым современная историография очень активно обращается. В некоторых случаях придание звероподобия и в XX веке оставалось важным приемом выражения «друговости» (карикуры).

Интересным историографическим примером, относящимся к такой ветви истории тела, как история бороды, и показывающим связь между географическими открытиями и культурной историей, является статья израильского историка Э. Хоровица [13]. Ее тезис заключается в том, что «открытие» Америки привело европейцев к фундаментальной смене образа главного «Другого», что нашло проявление в изменении моды. С первых десятилетий XVI века все «великие» Европы, как это видно на их портретах, отпустили бороды. До начала XVI века, когда главными «Другими» для европейцев были мусульмане и евреи, изображавшиеся с бородами, первые (во всяком случае, те представители верхов, которых изображали на портретах) были безбородыми. После открытия нового континента евреи и турки продолжали оставаться чужими, но Главным «Другим» стал американский индеец, которого считали безбородым то ли от природы, то ли по другим причинам. Иногда это связывалось с последствиями сифилиса, распространившегося в Европе после открытия Колумба, а в ранних сочинениях XVI в. объяснялось их гомосексуальностью. Хоровиц подчеркивал: моду на ношение бород на лицах европейцев ни в каком смысле нельзя считать случайностью или прихотью. Портреты как явления «высокой культуры» отразили изменения в ментальности европейцев. Более того, этот историк даже полагал, что борода сыграла определенную роль в том, что способствовала менее демонизированному взгляду на (бородатых) турок, следовательно, сближению Франциска I Французского с Османской империей в 1530-х гг.

В-третьих, речь идет об изучении пропаганды, в разные времена применявшей для обоснования господствующей идеологии, используемой властью, метафоры тела. Разделение на здоровое гармоничное тело и тело нездоровое, даже анти-тело, выполняет функцию идеологического обоснования необходимости очищения, избавления от нечистоты. В этом смысле обращает на себя внимание метафорическое использование риторики тела в пропаганде сталинского террора. Возьмем для примера отрывок из речи Г. Димитрова перед избирателями Костромы 8 декабря 1937 г.: «Блок фашистских государств рассчитывал на своих агентов в Советском Союзе. Но фашисты просчитались. Не удалось это благодаря железной воле железных людей нашей партии, Центрального Комитета партии и товарища Сталина. (Бурные аплодисменты). Наемные агенты

фашизма, вредившие нашей стране, были разгромлены. Надо сказать прямо, что разгром троцкистско-бухаринских агентов фашизма, шпионов, диверсантов, вредителей в Советской стране является крупнейшим поражением поджигателей войны. Карты спутались, нити порвались, агенты провалились. Ежовые рукавицы товарища Ежова (бурные аплодисменты) сжались во-время [так в тексте – А. С.] и попали в цель. Эти ежовые рукавицы, товарищи, крепки потому, что они опираются на партию, на советский народ, на тех, которые ведут страну вперед, потому, что они выполняют непоколебимую волю советского народа, здорового, крепкого, молодого советского народа (аплодисменты) против гнилых, разложившихся, смердящих трупов агентов фашизма, продавшихся врагу».

В приведенном примере противопоставление здорового, молодого (тела) советского народа, железных людей с железной волей и лично Сталина (человека из стали) разложившимся трупам (врагов) переносит акценты с рационального обоснования того, что и не может быть рационально обосновано, на подсознательные и архаичные стереотипы. Да и (телесные) манипуляции с аплодисментами направлены на утверждение установки на «Своего» и «Чужого». Как видим, конструирование «внутреннего чужого» в пропаганде основывается на использовании в основном тех же ключевых позиций, что и формирование образа культурного «Другого»: внешность, неправильное телесное поведение, запах («смердящие трупы»), сверхъестественные магические способности («оборотни», то есть маскирующиеся враги народа или фашисты в карикатурах военного времени), язык.

В-четвертых, предметом изучения истории тела являются стратегии дисциплинирования, создания, пользуясь выражением Фуко, «послушных тел». Ключевая роль в этом принадлежит медицине. Обоснование биологических особенностей евреев, цыган и других категорий населения, отличных от арийцев, становилось основой для соответствующей «политики тела», от ограничений в посещении тех или иных мест до «окончательного решения» (еврейского вопроса). То же касается и нацистской политики по отношению к лицам, страдавшим наследственными и психическими заболеваниями. И в этом случае болезнь как проявление телесности служила обоснованием антигуманной политики под лозунгом оздоровления немецкой нации [11]. «Селекция», проводившаяся нацистскими врачами в concentra-

ционных лагерях, тоже может рассматриваться как вариант «политики тела», исключительный в своей античеловечности [15]. Биометрика во многих случаях давала «научные» основания для легализации гендерных, расовых и социальных различий. Различные аспекты «политики тела» в эпоху Французской революции были прослежены в книге американского автора Доринды Оутрам [17]. В контексте гендерной истории обращение к истории тела способствует раскрытию категорий феминности и маскулинности. Например, в работе Джоанны Берк исследуется мужское тело на войне и восприятие мужского тела, в том числе увечного, в Англии после первой мировой войны. Этот британский автор полагает, что ее исследование внесло вклад в давнюю историографическую дискуссию о том, в какой степени эта война повлияла на британское общество межвоенного периода [9].

Представленный в этой статье обзор далеко не исчерпывает развивающихся в историографии тела подходов, однако свидетельствует о разнообразных перспективах применения концепта «тело» в исторических исследованиях.

Библиографический список

1. Ле Гофф, Ж., Трюон, Н. История тела в средние века [Текст] / Ж. Ле Гофф, Н. Трюон. – М., 2008.
2. Ле Руа Ладюри, Э. Монтанью. Окситанская доревня (1294–1324) [Текст] / Э. Ле Руа Ладюри. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2001.
3. Сланичка, С. История тела: новые направления исторических исследований [Текст] / С. Сланичка // Ярославский педагогический вестник. – 2003. – № 3 (36). – С. 166–170.
4. Соколов, А. Б. История тела: предпосылки становления нового направления в историографии [Текст] / А. Б. Соколов // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2009. – Выпуск 26. – С. 190–211.
5. Тело в русской культуре: сборник статей [Текст] / сост. Г. И. Кабакова, Ф. Конт. – М.: Новое литературное обозрение, 2005.
6. Уайт Х. Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века [Текст] / Х. Уайт. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2002.
7. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М.: Ad Marginem, 1999.
8. Vaecque de A. The Body Politic: Corporal Metaphor in Revolutionary France, 1700–1800. Stanford: University Press, 1997.
9. Bourke J. Dismembering the Male. Men's Bodies, Britain and the Great War. L.: Reaktion Books, 1999 (1st ed. 1996).

10. Burke P. Eyewitnessing. The Uses of Images as Historical Sources. – L., 2001.
11. Burleigh M. The Racial State: Germany 1933–1945. – Cambridge: University Press, 1991.
12. Embodied Practices. Feminist Perspectives of the Body. – L., 1997.
13. Horowitz E. The New World and the Changing Face of Europe // Sixteenth Century Journal. – 1997. – № 4.
14. Landes J. Visualizing Nation: Gender, Representation and Revolution in Eighteenth Century France. – N. Y. : Cornell University, 2001.
15. Lifton R. Nazi Doctors. Medical Killings and Psychology of Genocide. – N. Y. : Basic Books, 1986.
16. Livesey J. Speaking the Nation: Radical Republicans and the Failure of Political Communication in 1848 // French Historical Studies. – 1997. – V. 20.
17. Outram D. The Body and the French Revolution. – New-Haven: Yale University Press, 1989.
18. Porter R. History of the Body // New Perspectives on Historical Writing / Ed. by P. Burke. – Cambridge, 1991. – P. 206–227.